

ПАМЯТЬ В ОБОРОНЕ И НАСТУПЛЕНИИ

Изучение истории Великой Отечественной войны как мировоззренческая проблема

В.П. Лукьянин – известный отечественный литературный критик, публицист, учёный. Кандидат философских наук. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. С 1980 по 1999 г. – главный редактор журнала «Урал», в 2009–2014 г. – ответственный редактор журнала «Вестник Уральского отделения РАН. Наука. Общество. Человек». Автор десятка историко-публицистических книг и сотен статей в научных сборниках и «толстых» московских и уральских журналах.

Великая Победа: в 15 т. /
Под общ. ред. С.Е. Нарышкина, А.В. Торкунова;
Моск. гос. ин-т международ. отношений (ун-т).
М.: МГИМО-Университет, 2015.

Вопреки известной аксиоме, гласящей, что общая историческая память служит сплочению социума, память о Великой Отечественной войне нынешнее российское общество раскалывает. Причём по мере того, как временной интервал, отделяющий нас от великой войны, увеличивается, споры о ней не только не ослабевают, но становятся жёстче (даже ожесточённей) и непримиримей. Чем объяснить этот парадокс? Ответ проще, чем вы, возможно, думаете: в нашем общем прошлом была сама война, но это не значит, что память о ней у нас – общая.

Болезнь разобщенности. Даже в индивидуальной памяти запечатлевается не то, что случилось «на самом деле», а наше восприятие того, что случилось. Не механический слепок реального события, а его

субъективный образ. Мы воспринимаем мир сквозь призму наших понятий, понятия же в расколотом социуме разнятся до полной – особенно в наиболее значимых случаях – несовместимости. Кроме того, с течением времени понятия переосмысляются под воздействием новых знаний и нового опыта, обрастают новыми связями и смыслами. По этой причине совершаются метаморфозы и в памяти очевидцев: событие, пережитое в прошлом, сегодня видится ими иначе, чем вчера. Послушайте ветеранов, и вы согласитесь, что это так и есть.

Но природа памяти исторической неизмеримо сложнее, нежели индивидуальной. Прежде всего, историческая память – феномен коллективный, поэтому она не кончается с уходом очевидцев, а продолжает жить в следующих поколениях, и жизнь эта может длиться столетиями. При этом она неизбежно трансформируется

под влиянием процессов, происходящих в социуме как на уровне бытия, так и в общественном сознании: корректируется с помощью конъюнктурной ретуши, обильно сдабривается вымыслами, перерождается в легенды, мифы. И попробуй потом определи, какие реальные события отразились в тех легендах и мифах, как они «на самом деле» происходили, да и точно ли имели место в действительности.

Мало того, на всяком новом повороте истории старые мифы признаются непригодными, перекраиваются или заменяются новыми, и этот «круговорот памяти» вечен. Наивно надеяться, что однажды наступит момент, когда исторические события предстанут, наконец, в исторической памяти «в истинном свете», а неприемлимые нынче оппоненты спустятся с баррикад на «твердую почву фактов» и обменяются рукопожатием в знак полного согласия друг с другом.

Познавательные-психологические метаморфозы (часто непреднамеренные, но бывает, что и «в угоду») разобщают носителей исторической памяти о любом реальном событии, имевшем место в их общем прошлом. И чем большее значение придается событию, тем труднее достигнуть согласия о нем. А когда по какому-то поводу (хорошо, если в связи с очередной годовщиной, а то бывает, что обстановка накаляется, память выходит на баррикады) к этому событию привлекается повышенное внимание общественности, противостояние диспутантов, каждый из которых убежден в собственной правоте, лишь усугубляется. Так срабатывают механизмы памяти. Это мы обычно и наблюдаем, когда речь заходит о самом драматическом событии отечественной истории – о Великой Отечественной войне.

Без общей исторической памяти мы – манкурты. Впрочем, нынче это не каждого впечатлит: привыкли жить «здесь и сейчас». Поэтому подчеркнем и прагматическую сторону дела: без общей исторической памяти общество не может действовать как единое целое. Оно неспособно ставить и решать задачи национального масштаба, не в состоянии противостоять угрозам извне и силам саморазрушения.

Такое общество можно уподобить индивиду с расстроенной психикой, а это очень опасная болезнь.

Сегодня мы как раз и живём в больном обществе; этот факт очевиден, он признается всеми, даже руководством страны. Мы притерпелись к этой болезни, свыклись с ней, она перешла у нас в хроническую стадию. Но рассуждают все о ней, как правило, «вообще» – не вдаваясь в детали. Да и о чем тут и рассуждать, если симптомы на виду? Экономический застой, безответственность и коррумпированность чиновников, правовой нигилизм, взрывоопасная поляризация по доходам, ползущие вверх цены и тарифы при качестве жизни, ползущем вниз; разрушение культурных канонов, деградация семейных ценностей, разрыв между поколениями, ухудшение морального климата... Этот перечень можно продолжать и продолжать, но важнее понять: откуда это всё у нас, каковы причины этих напастей?

В каждом конкретном случае причин можно отыскать целый букет, но если судить о ситуации в целом – у всех напастей просматривается общая основа: мы стали жить порознь. Никто никому не должен, никто никому не нужен. Каждый имеет право на свои благоглупости, каждый – хозяин собственной судьбы (звучит-то даже «гордо», а на деле – мораль одинокого волка: никому не верь, ни на кого не надейся, из любого болота выкарабкивайся сам). Почему стали жить порознь – тайна не за семью печатями, так что не будем отвлекаться на этот сюжет.

Болезнь разобщённости так глубоко укоренилась в нашем общественном организме, что влияние её давно вышло за рамки расхожей морали и житейской повседневности. Жизнь порознь несёт в себе уже реальную угрозу для политической стабильности, обороноспособности и безопасности страны, затягивает непрозрачной дымкой перспективы хозяйственного развития. Не только для душевного равновесия, но и для житейской практики:

- для национальной экономики, переставшей быть «народным хозяйством»;
- для повседневного общения граждан, превратившихся нынче в «налогоплатель-

щиков», но которым важно понять и ощутить, что все-таки мы – вместе, мы – россияне, мы наследники великой истории и, возможно, сами еще способны на что-то.

Нынешнее российское руководство тревожность ситуации, видимо, вполне осознает, поэтому идея единства заложена даже в названии правящей партии, а во внутренней политике много внимания уделяется подновлению традиционных и созданию новых «скреп», а также в организации разных акций, которые напомнили бы нам наше единородство. В этом контексте следует рассматривать и Государственную программу патриотического воспитания граждан РФ на 2016 – 2020 гг. На её реализацию из федеральной казны планируется израсходовать 1,7 млрд рублей, плюс к тому многомиллионные суммы изыскиваются из внебюджетных средств¹. Конечно, это мелочь по сравнению с Олимпиадой в Сочи или Керченским мостом, но вопрос в другом: насколько прочны те «скрепы», конвертируются ли миллиарды в патриотизм? Надёжных критериев, позволяющих судить о том и другом однозначно и убедительно, не существует. Но очевидно, что непросто преодолеть социальную разобщённость, если история у нас общая, а историческая память – увы, не одна на всех. А если память о войне раздроблена, то уже и Победа не «одна на всех», и вопрос о её цене приобретает в руках энтузиастов-правдоискателей разрушительную силу.

Такие наблюдения и соображения побуждают преодолеть шаблонность в изучении истории Великой Отечественной войны. Безусловно, оно должно, как и прежде, как и всегда, основываться на достоверных источниках – это не предмет дискуссий. Однако чем дальше, тем больше чувствуется потребность в более осмотрительном обращении с фактами. Речь не о том, чтобы разделять их на «удобные» и «неудобные», что-то подчёркивая, а что-то замалчивая. Речь об ином уровне их осмысления. Нынче вовсе недостаточно того, что «есть документ», – а ведь сколько шумных сенсаций строилось на этом лишь основа-

нии! Необходимо точно установить, при каких обстоятельствах документ возник, насколько он заслуживает доверия. Это, конечно, азы источниковедческого анализа. Но даже и точно установленный факт для исторической памяти не самоценен: он становится «говорящим» и социально значимым, когда его встраивают в цепь событий, повлиявших на ход истории.

Такую операцию можно назвать повышением исторического знания с уровня источниковедения и историографии на уровень мировоззренческий. И только на этом уровне факт влияет на историческую память: либо работает на консолидацию её и, как результат, – социума, либо, напротив, способствует их расколу и разрушению.

Есть о чём подумать. Тема «Изучение истории Великой Отечественной войны как мировоззренческая проблема» была поставлена на обсуждение за круглым столом в екатеринбургском Институте человека. Этот институт – по сути, дискуссионный клуб, возникший в Екатеринбурге ещё в 1990-е гг. при активном участии Уральского отделения РАН. За время существования он претерпел ряд трансформаций; в последние годы работает на базе Уральского государственного экономического университета. Но неизменным на протяжении полутора последних десятилетий остаётся его руководитель – учёный и общественный деятель академик РАН В.А. Черешнев. Под председательством Валерия Александровича в рамках Института человека ежемесячно за круглым столом обсуждаются проблемы науки, хозяйственной, культурной и общественной жизни, вызывающие широкий общественный интерес. В дискуссиях участвуют ведущие учёные вузовских кафедр и академических институтов – те, кто наиболее компетентен в вопросах, вынесенных на обсуждение; государственные чиновники, хозяйственные руководители, деятели культуры. Цель таких дискуссий – сопоставление существующих точек зрения, зондирование и формирование общественного мнения.

¹ <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf>

Поводом к обсуждению названной выше темы в Институте человека явился выход в свет в МГИМО Министерства иностранных дел России 15-томного издания «Великая Победа»². Издание это, по оценке организаторов дискуссии, заметно выделяется в нынешнем большом потоке исследований о Великой Отечественной войне не только обширностью, значительностью и новизной собранной в нём информации, но и способом её подачи. Информация о войне не излагается здесь в хронологической последовательности и под одним углом зрения, а представляет разные подходы к историческому материалу, причём сконцентрирована вокруг узловых проблем военной истории. Для внимательного читателя очевидно, что различие трактовок обусловлено методологическими и мировоззренческими причинами, вот почему 15-томник «Великая Победа» и послужил поводом к дискуссии.

В традиционном вступительном слове академик **В.А. Черешнев** на цифрах и житейских примерах показал:

– как густо и разнообразно насыщена наша сегодняшняя повседневная жизнь памятью о Великой Отечественной войне;

– сколь многого о тех событиях мы по сей день ещё не знаем;

– как влияет осмысление опыта великой войны на мироощущение и самосознание ныне живущих поколений.

След войны до сих пор явственно проступает, по мнению учёного, например, в российской демографической ситуации. Снижение рождаемости во второй половине XX века – общая проблема развитых стран, но у нас она усугубилась огромными потерями населения в военные годы. Однако сколь ни чудовищна цифра 27,5 миллиона, которую сегодня, кажется, уже никто не оспаривает, она даёт неполное представление о масштабе демографической катастрофы, постигшей нас тогда, ибо не учитывает, в частности, резкого снижения рождаемости в период войны. Нужно к числу жертв приплюсовать ещё

детей, которые должны были, согласно статистическому прогнозу, родиться, да не родились в тот промежуток времени, и вам станет понятней, почему мы до сих пор – а сменились уже три поколения – не можем выбраться из демографической ямы.

Валерий Александрович рассказал также об одном трагическом эпизоде войны, след которого почти затерялся во времени и лишь в последние годы отчётливо проявился в исторической памяти. В отроческом возрасте будущий академик много раз бывал в Севастополе, где жили его родственники. Однажды бухте случилось увидеть, как в Голубой бухте снимается эпизод фильма «Человек-амфибия», потом даже и самого позвали сняться в массовке. Но с тех пор для него оставалось загадкой, почему небольшой мыс, разделяющий Голубую и Камышовую бухты, обнесён колючей проволокой и матрос с автоматом сторожит на вышке. Разгадку он узнал лишь полвека спустя, снова посетив те места: на некогда огороженной и охраняемой от праздных посетителей территории во время войны находилась 35-я береговая батарея. И полтора десятилетия спустя после окончания войны покорёженный металл был перемешан там с раздробленными камнями и человеческими костями, там было не только страшно, но и опасно, вот почему туда не пускали посторонних.

Во время 250-дневной осады Севастополя в 1941–1942 гг. 35-я батарея была одним из главных опорных пунктов обороны города. Гитлеровцам удалось-таки город захватить, но и после того, как они отпартовали о своей победе фюреру, десятки тысяч защитников черноморской крепости не ушли и не сдались. Они сосредоточились на скальном берегу в районе 35-й батареи и продолжали сопротивляться – не только без пресловутых заградотрядов, но и без приказов сверху. Отдавать приказы уже было просто некому: адмирал Ф.С. Октябрьский, командовавший Черноморским флотом и Севасто-

² Великая Победа: в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т международ. отношений (ун-т). Центр военно-политических исследований. – М.: МГИМО-Университет, 2015.

польским оборонительным районом, был спецсамолетом, присланным с «большой земли», вместе со своим штабом вывезен в Новороссийск, пообещав тем, кого оставлял в кольце блокады, доставить помощь. Помощь, однако, так и не появилась.

Закончились боеприпасы, пища и пресная вода; как и чем держались защитники небольшого плацдарма – даже гадать трудно. Во всяком случае, оружие для противостояния немцам добывали у немцев же. Выработали тактику: семеро безоружных – на одного автоматчика, один под ноги, другой подставляет грудь – отвлекает... В общем, атаковали без шансов выжить. Но тактика была рассчитана таким образом, что хотя один из семерых всё-таки выживал. Он-то завладевал автоматом и сам шёл с ним на врага... Таков был накал борьбы.

На том месте погибли тысячи и тысячи моряков-черноморцев – крымская ипостась Брестской крепости, по масштабам сопротивления и потерь превосходившая, однако, прославленную цитадель на западной границе. Про Брестскую крепость долго не знали, и о подвиге последних защитников Севастополя до недавнего времени почти ничего не было известно – ни цифр, ни наградений, ни имён, ни даже памятного знака на месте событий. Однако в 2007 г. по инициативе и при финансовой поддержке А.М. Чалого – учёного, предпринимателя, политического деятеля – на месте подвига последних защитников Севастополя началось сооружение музейно-мемориального комплекса. В июле 2008 г. была открыта первая очередь мемориала, через год – вторая; развитие комплекса продолжается до сих пор.

Мемориал 35-й батареи, подчёркивает В.А. Черешнев, – не просто памятное место. Это исследовательский центр, занимающийся воссозданием полной картины народного подвига. Нынче в Пантеоне памяти мемориала увековечены имена сорока тысяч героев, защищавших город, а в музее представлено более тысячи их фотоизображений – всего столько пока что удалось найти. Это результат многолетних поисков, но работа не завершена. Человек, посетивший мемориал 35-й береговой ба-

тареи в Севастополе (а число посетителей исчисляется нынче уже десятками тысяч ежегодно), узнает много нового для себя не только о цене, но и о духовной ценности Победы.

Тему, поднятую академиком В.А. Черешневым, поддержал ректор УрГЭУ, профессор **Я.П. Силин**:

– Севастополь мне знаком с юности: я в свое время заканчивал военное училище в Крыму. Тогда же мне довелось услышать рассказы непосредственных участников штурма Сапун-горы в мае 1944 г. Ветераны говорили, что трупы там лежали в два-три, даже в четыре слоя... Историки подтверждают: там погибло 80 тысяч советских солдат. В их память ещё осенью военного 1944 г. на гребне Сапун-горы установили 28-метровую стелу, возле неё впоследствии вырос мемориал: музей, диорама, постоянные экспозиции боевой техники времен Великой Отечественной войны. К сожалению, память, в том числе и народная, имеет свойство тускнеть, и склоны горы вблизи мемориала, обильно политые солдатской кровью, со временем стали зарастать кустарником и дурнотравьем, потом на них даже начали заползать дачные поселки.

– Прошлым летом, – продолжает Яков Петрович, – я снова побывал в Севастополе и выбрал время съездить на Сапун-гору. Хотя многое там всё ещё выглядит заброшенным и неухоженным, но уже очевидны перемены: расчищен большой участок линии окопов перед заградительными сооружениями, а главное – территория мемориала переполнена посетителями. Экскурсионные группы сменяют одна другую непрерывно; из музея, из здания диорамы молодые и даже не очень молодые люди выходят потрясённые: дескать, мы и не знали, что такое было, что такое вообще может быть. Такое потрясение сродни катарсису: оно очищает душу и благотворно воздействует на историческую память.

Правда войны – правда Победы. Вправе ли мы ожидать подобного катарсиса и от военно-исторических исследований? Если толковать термин не слишком буквально, то, думается, его можно применить для обозначения состояния души,

когда она, пробившись сквозь напластования противоречивых свидетельств и тенденциозных мнений, отчистив подлинное от конъюнктурной ретуши, преодолев штампы «парадигм» и предвзятость «партийных» оценок, начинает ощущать пульс естественного хода событий. Для исследования, адресованного коллегам-историкам, важно безукоризненно выстроить научный аппарат, но вовсе не факт, что оно повлияет на коллективную историческую память. А для исторической памяти важны не ссылки на научные труды, не апелляции к авторитетам, а ощущение, рождённое где-то в глубине души: «Верю!»

Вряд ли нужно объяснять, почему для оценки многотомного издания, составленного из разнородных материалов, понятие катарсиса даже в нестрогом толковании не очень годится. Однако речь о другом: насколько материалы, собранные в пятнадцати полновесных томах, способствуют прояснению дискуссионных эпизодов войны, сближению полярных мнений, преодолению раскола в исторической памяти и в обществе и в этом смысле – «очищению» души прикосновением к истине? Можно сформулировать вопрос проще: к чему стремились создатели 15-томника «Великая Победа» – во что бы то ни стало «настоять на своем» или создать предпосылки для сближения позиций в трактовке ключевых эпизодов войны, поспособствовать преодолению раскола в обществе?

Впрочем, если иметь в виду всех авторов (их несколько десятков, а точную цифру не называют и руководители проекта), ставить вопрос таким образом, видимо, некорректно. Но инициаторы и организаторы, несомненно, исходили из концепции, которую они приняли все и которая предопределила отличие этого проекта от многочисленных других (в том числе и многотомных) изданий о Великой Отечественной войне.

Об этой концепции на круглом столе Института человека доложил **А.А. Падерин** – кандидат исторических наук, полковник запаса, ветеран Института военной истории Министерства обороны

РФ, автор десятка статей, включенных в многотомник «Великая Победа»:

– Издание зарождалось на творческой базе журнала «Вестник МГИМО–Университета», это во многом предопределило и круг его авторов, и угол зрения, под которым воспринимают они события войны. Если сказать совсем коротко, в 15-томнике доминирует дипломатический подход. Не в том смысле, что представленные в нем авторы так или иначе причастны к дипломатической работе (на самом деле это не так, хотя среди них действительно есть и дипломаты высокого ранга, и профессора МГИМО, есть и целые разделы, посвящённые роли дипломатии во время Второй мировой войны), а в смысле ракурса: широта взгляда (отечественные проблемы – в контексте мировых), ставка не на обострение конфликта, а на взаимопонимание, ориентация на достижение позитивного результата.

В подтверждение этой характеристики Александр Александрович обратил внимание коллег на общий заголовок издания: не история войны, а «Великая Победа». Постсоветская историография сосредоточилась на выяснении «правды» о наших поражениях начального периода войны, акцентируя внимание на «преступлениях большевистского режима». Понятно, что разоблачительный пафос таких публикаций был реакцией на умолчания подцензурной советской историографии. Однако такой подход не объяснял неожиданного для мирового сообщества (но неизбежного, по убеждению советских людей) перелома войны: сокрушительный разгром на старте, казалось, предвещал скорую и неминуемую катастрофу советского государства, а закончилась война безоговорочной капитуляцией агрессора. Так что «правда» разоблачителей оказалась не менее однобокой, нежели «правда» советских историографов, и в этом смысле – неправдой. Преодоление односторонности в том и в другом её варианте и стало ключевой идеей создателей 15-томника «Великая Победа».

А.А. Падерин подчеркнул: речь не о том, что им удалось выработать точку зрения, которая в равной степени приемлема для

всех, кто участвует в споре. Такой точки зрения в обсуждаемом издании нет, потому что её, при нынешнем расколе российского общества, наверно, и быть не может. Создатели многотомника применили более реалистичный подход: они обнажили нерв спора и наглядно показали, что причина противостояния не в самом историческом материале, а в умах: если непримиримые оппоненты будут искать не новые поводы для раздора, а точки соприкосновения – найти их можно. В издании с достаточной полнотой представлены эпизоды войны, неприятные для нашего национального самосознания и потому замалчивавшиеся советскими историками. Но здесь привлечено также много новых документов и выдвинуты новые аргументы, что позволяет читателю выстраивать по поводу тех эпизодов собственное мнение, поднимающееся «над окопами» противоборствующих сторон.

При этом создатели многотомника все не беспристрастны, они знают, ради чего взялись за дело, и это подчеркнуто заглавием издания: «Великая Победа». Но их пристрастность проявилась не в тенденциозном толковании или замалчивании фактов, а в более полном и всестороннем освещении исторической реальности. Они не обходят острых углов, но предъясняют читателю и те аспекты событий, которые в полемическом запале не заметили или не захотели заметить «альтернативные» историки.

Да, о многих неприятных страницах военной истории историографам страны-победительницы вспоминать не хотелось (или было «не положено»): о предвоенных репрессиях в Красной Армии, о противоречивых мерах советского руководства в период подготовки к войне, о просчётах Сталина в дипломатических играх с «вероятными противниками», о разгроме танковых и авиационных соединений нашей армии на западной границе в первый же день войны, о трусах, предателях, коллаборационистах, сотрудничавших с оккупантами, об ошибочных стратегических решениях советского Генштаба... «Десять сталинских ударов» куда как больше греют душу. Нынче мрачные страницы войны

свободно, а нередко и с очевидной предвзятостью, обсуждаются в исторической (и «околоисторической») литературе, и 15-томник эти сюжеты не замалчивает.

Однако здесь они предстают не обнажёнными язвами, заполняющими весь ближний план, а узловыми моментами общей панорамы войны. Смысл такой перемены ракурса не в том, чтобы смягчить акценты и сбалансировать эмоциональный тон восприятия, а чтобы полнее выявить причины и следствия произошедших событий. В результате такого подхода становятся понятней, например, колебания советского руководства в определении своей позиции относительно будущих противников и союзников в предвоенные годы (в том числе и пресловутый «пакт Молотова-Риббентропа»). Наполняются драматическим смыслом целенаправленные усилия советских и партийных органов по выработке таких отношений внутри советского общества, которые в официальных документах стали обобщенно называться «морально-политическим единством советского народа». «Альтернативные» историки существование такого единства категорически отрицают, и аргументы их кажутся непроверяемыми. Но ведь без общенародного порыва одолеть врага, победить бы точно не смогли! Какой-то мощный духовный стимул объединял советских людей – это неоспоримый факт. Вам кажется казённым и недостоверным то определение, которое принято было в советской литературе? Что ж, назовите тот фактор как-то иначе, только не утверждайте, что ничего такого не было.

В рамках концепции, смысл которой точно выражен заглавием «Великая Победа», закономерным и необходимым было появление на переднем плане панорамы событий фигуры И.В. Сталина. После «разоблачения культа» его личности он на три десятилетия принудительно выпал из исторической памяти. В постсоветское время его вспомнили, но лишь затем, чтобы сделать из него «козла отпущения» – символ всего плохого, чем отмечен советский период российской истории. Что касается победы в Великой Отечественной войне – она, по мнению значительной

части нынешних историков, была одержана безотносительно или даже вопреки его «мудрому руководству». А, по мнению другой части, и победой-то она не была, а лишь «отложенным поражением».

Но многие (к сожалению, очень многие!) граждане «новой» России чувствуют себя обманутыми и униженными «демократическими» реформами, и для них Сталин превратился в символ достоинств утраченного социализма (каким его хочется мыслить сегодня): порядка, справедливости и державной мощи. Так советский вождь, ушедший из жизни два поколения назад, оказался главной фигурой на линии разлома, разделившего сегодня нашу историческую память и само общество на две враждующие части.

В 15-томнике И.В. Сталин – не гений и не злодей, а человек, в чьих руках сосредоточена абсолютная власть в великой стране, переживающей самый драматический момент своей истории. Таким ведь он и был! Распоряжения властителя могли быть и мудрыми, и ошибочными, и чрезмерно жестокими, но в любом варианте они реально влияли на ход событий; и как вы объясните результаты этого влияния, проигнорировав его источник? Создатели многотомника не убоились нападков со стороны радикальных антисталинистов и проявили ответственность перед исторической памятью, представив Сталина в его реальном масштабе и без ретуши. В соответствии с историческими реалиями фигура Сталина отражена практически во всех томах. Кроме того, один из томов (9-й) посвящен персонально ему: «Сталин во время войны». Столь пристальное внимание создателей 15-томника «Великая Победа» к фигуре Верховного Главнокомандующего было бы неверно рассматривать как шаг к его «реабилитации» – просто при «заретушированном» (как хотелось бы некоторым историкам) Сталине панорама войны была бы искажена, и многое в ней выглядело бы просто необъяснимым.

Ещё один аспект. Поскольку концепция издания «Великая Победа» предполагает выход на новый уровень осмысления событий Великой Отечественной войны за счёт «договаривания недоговорённого»

и привлечения новых материалов – читатель найдёт в нём немало такого, что и само по себе интересно, и откликается на сегодняшние споры. К примеру, нынче много споров по поводу ленд-лиза: сумел бы Советский Союз победить Германию без помощи американцев или нет? А спорить не о чем, надо лишь прислушаться к компетентному мнению из 1945-го: «Нам известно, что американские поставки были использованы в борьбе против общего врага, но мы никогда не считали, что поставки явились главным фактором в поражении Германии. Этого добились воины Красной армии, которые отдавали свою жизнь и кровь в борьбе с общим врагом». Так заявил представитель американского президента Гарри Гопкинс во время встречи со Сталиным 26 мая 1945 г.

Факты и парадигмы. Определённый скептицизм по поводу концепции обсуждаемого многотомника высказал **К.И. Зубков** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН:

– Мне кажется, что фактологическое и концептуальное разнообразие, существующее сегодня в исследованиях о Великой Отечественной войне, – уже само по себе составляет серьёзную проблему. Как известно, любой факт приобретает статус научного лишь при условии, если он органично вписался в признанную научным сообществом систему знания. Но если существует множество плохо стыкующихся друг с другом систем, а поток вновь открываемых фактов не иссякает, то научный коллектив, решаясь создать на такой дробной основе панорамный труд, заведомо рискует вместо живой картины получить малоубедительный коллаж. Судя по первому впечатлению, многотомник «Великая Победа» не избежал этой опасности.

Но как преодолеть эту дробность? Константин Иванович заметил, что многие его коллеги-историки, ценя (и справедливо ценя) важность работы по введению в научный оборот новых фактов, склонны недооценивать усилия по развитию концептуальной основы исследования, то

есть по осмыслению тех фактов на уровне мировоззрения. Понять их можно, но согласиться с ними трудно: считая «философствование» недостойным для себя, профессионалов, занятием, они рискуют попасть (и попадают) в накатанную идеологическую колею, которая незаметно уводит их в сторону от истины, к которой они стремились. Однако историческая истина – не произвольное построение ума, а отражение событий, которые случились на самом деле. Между тем, как говорили французы еще в XVIII веке, факты – упрямая вещь. И это их «упрямство» заставляет вольных искателей истины преодолевать сопротивление «парадигм», в результате чего пути их начинают сближаться.

По мнению К.И. Зубкова, в разногололице субъективных мнений о войне сегодня уже просматриваются некоторые направления, где возможен консенсус или, по крайней мере, сближение мнений. Создателям многотомника «Великая Победа», считает историк, стоило озаботиться не столько тем, чтобы выстроить коллажи из разных точек зрения на обсуждаемые события, но и чтобы поотчётливее выявить наметившиеся «макротенденции» при обсуждении ключевых проблем. Конечно, при этом необходимо стоять на почве трезвого реализма и понимать, что наше видение войны (пусть оно даже станет общенародным) едва ли примут граждане других стран, потому что у них свои интересы, свой опыт, свои мифы, своя правда о войне.

К примеру, вопрос о союзниках. В обсуждаемом издании эта тема освещена довольно подробно, но из привлечённых авторами материалов о роли союзников у читателя складывается двойственное впечатление. С одной стороны, они очень быстро, в первый же день войны (нашей, Великой Отечественной), сориентировались, однозначно встали на нашу сторону, а потом организовали настолько эффективную материальную помощь, что дали повод нынешним политикам и публицистам спорить: а смогли бы мы победить без ленд-лиза? Всё так, но, с другой стороны, сколь двусмысленным было поведение союзников в предвоенные годы! По-

началу они Версальским договором (без нашего участия) унизили Германию, что помогло Гитлеру прийти к власти, потом потворствовали Гитлеру – по разным причинам, но, в частности, и потому, что видели в нём силу, способную противостоять нам. Так как же они на самом деле к нам относились?

Но их отношение к нам – это важная для нас, а не для них точка отсчёта; у них же были свои национальные интересы и своё стратегическое видение геополитической ситуации. Для них мы, с нашими довоенными метаниями от антифашизма до чуть ли не братания с гитлеровским режимом, с нашей репрессивной внутренней политикой, – не меньшая загадка, чем они для нас. И вовсе они не были такими уж непоследовательными, как видится с нашей точки зрения. Просто у них была иная логика ведения войны, радикально отличная от нашей. В чём она заключалась?

Начнем с того, что Соединённые Штаты и Россия, хоть они сильно различались по уровню промышленного развития, производственному потенциалу и размеру национального богатства, ещё в первой трети XX века выступили, можно сказать, на равных как два мировых лидера и два соперника, предложив человечеству конкурирующие и взаимоисключающие глобальные проекты: Россия – коммунистическую перспективу, Америка – либеральный экономический порядок. Мировая война подвергла жесточайшему испытанию оба проекта, но не в столкновении друг с другом, а в противостоянии со смертельно опасной третьей силой, равно враждебной и коммунизму, и либерализму. Объединение усилий Америки (в альянсе с Великобританией, причём с ней отношения тоже были непростые) и России диктовалось общей угрозой, но, эффективно сотрудничая в рамках антигитлеровской коалиции, оба государства-лидера не отказались от своих глобальных проектов, не перестали быть соперниками и не пытались обратить союзника в единомышленника.

И, между прочим, ни они, ни мы отнюдь не поступались своими национальными

интересами ради союзника. Пример тому – дипломатический нажим США на СССР в 1942 г. Американцы настаивали, чтоб мы, разорвав пакт о нейтралитете, объявили войну Японии. Их мало заботило, что война на два фронта в тот момент неминуемо закончилась бы для нас катастрофой. Но что за дело им было до нас, когда они ещё не оправились от Пёрл-Харбора, и вообще ситуация на Тихом океане складывалась для них плохо. Однако же и нас не очень заботили проблемы союзников, когда они затягивали с открытием второго фронта. Но можно ли сравнивать тот и другой случаи? Нельзя – с нашей точки зрения, но и с их точки зрения – тоже нельзя. Поэтому каждый и придерживается своей позиции по сей день. «И с мест они не сойдут».

Интересно, что два несовместимых и соперничающих проекта оказались в определённых условиях вполне сочетаемыми и не препятствовали плодотворному сотрудничеству: важный урок на будущее! Причём это сотрудничество помогло обеим державам не только выстоять против общего противника, но и доказать эффективность своего проекта. Либеральные США значительно приумножили свою экономическую мощь: ко времени окончания войны на их долю приходилось 52 процента мирового промышленного производства и 2/3 золотого запаса. Правда, человечество они тем самым не облагодетельствовали: все дивиденды от накопленного за время войны богатства были обращены на пользу собственным национальным интересам и обеспечение господствующего положения Америки в мире.

Казалось бы, для Советского Союза итог войны был диаметрально противоположен: страна понесла колоссальный экономический урон и немыслимые человеческие жертвы. Но хотя бы и такой ценой, а всё же СССР сумел сделать то, что было непосильно для других держав: в первые три года войны он противостоял военной машине нацизма фактически в одиночку и, в конце концов, завершил войну не побеждённым, а победителем. Причём завершил в общепризнанном статусе второй сверхдержавы, которым до войны

не обладал. Закрепил свои границы 1941 г., создал для себя буфер безопасности, полноправно участвовал в строительстве послевоенного мира. И, ко всему, накопил научно-инженерный и производственно-организационный потенциал, позволивший достойно парировать вызов своего недавнего союзника и постоянного соперника: в кратчайшее время создал ракетно-ядерный щит, который сразу же стал и в течение полувека служил внятным предупреждением авантюристам, полагающим, что международное право – это право сильного.

Всё это было достигнуто не столько по причине неприхотливости и вынослivosti русского народа, о которых любят порассуждать политики и публицисты, по той или иной причине не желающие выяснить подлинные причины Победы, сколько в силу особого устройства советского общества, позволившего руководству страны в полной мере использовать стратегические преимущества мобилизационной политики.

Выводы диктуются фактами. В.П. Лукьянин, кандидат философских наук, писатель-публицист, согласился с К.И. Зубковым, что новый факт вводится в научный оборот тем, что встраивается в признанную научным сообществом систему знаний. Но, подчеркнул выступающий, система эта не есть нечто отдельное от фактов: она из них же и вырастает. Вводятся в оборот новые факты – меняется система, тем и движется процесс познания. Факты могут быть (да и всегда поначалу бывают) не включёнными в научный контекст: вроде они есть, а не знаешь, как их связать друг с другом. Но когда их накапливается достаточно много, в их совокупности начинает просматриваться взаимосвязь, порядок и последовательность. И то, что на первых порах выглядело «коллажем», вдруг оживает и оказывается внутренне цельной, цельностью своей и убеждающей, картиной реального движения истории.

15-томное издание «Великая Победа», по мнению В.П. Лукьянина, интересно, прежде всего, беспримерным собранием фактов. Речь не о том, что фактов тут боль-

ше, чем в любом другом издании о Великой Отечественной войне, – наверно, это не так. Но здесь они преподнесены удобно для осмысления: сконцентрированы вокруг ключевых проблем истории войны, и по поводу каждой проблемы собран, как правило, репрезентативный материал, представляющий современный уровень знания. Тут и исследования авторитетных историков, и свидетельства дипломатов, причастных к практическому решению этой проблемы, и выступления государственных деятелей, формулировавших официальную позицию своих стран, и сведения от специалистов, компетентных в смежных вопросах, и, конечно, очень солидные подборки архивных документов, в том числе и впервые вводимых в научный оборот. Прочитав любой такой раздел, получаешь достоверное представление, что именно из военной истории уже не вызывает споров, а что ещё предстоит выяснить и оценить.

Вот конкретный пример. Многих читателей особенно заинтересует первый раздел второго тома (Книга четвертая. Перед германским нападением), потому что по его тематике со времени, пожалуй, суворовского «Ледокола», разногласия особенно велики и, казалось бы, непреодолимы. Но в подборке 15-томника не навязываются выводы, а сообщаются факты. Открывается раздел статьей академика А.О. Чубарьяна «Российско-германские отношения. Август 1939 – июнь 1941. “Смена вех” в теории, идеологии и пропаганде». Традиционным измышлениям о том, кто на кого собирался нападать первым, историк противопоставляет панорамную картину «полного драматизма и сложных переплетений периода», воссозданную на основе документов из Российского архива социально-политической истории (РГА-СПИ), публикаций в советской печати тех лет, зарубежных источников, мемуарных свидетельств. Погружаясь в атмосферу времени, осязаемо воссозданную историком, читатель уже не столько рассуждает, сколько «всем нутром» ощущает безвыходность положения, из которого советским руководителям, однако, необходимо было найти выход, причём безотлагательно.

Международная ситуация, и без того накалённая, стала ещё сложнее и драматичней в результате подписания «пакта Молотова – Риббентропа». Почему советское руководство пошло на этот шаг – уже ведь тогда было очевидно, что неоднозначный, – А.О. Чубарьян не обсуждает: вопрос обстоятельно рассмотрен А.В. Мальцевым в предыдущем томе. Академик же начинает с осложнений, вполне предсказуемых уже в момент подписания документа. Какие бы тактические выгоды ни сулил «договор с дьяволом», он перечёркивал всю советскую антифашистскую риторику предыдущих лет, а ведь в ней был заложен и потенциал взаимопонимания на тревожное будущее. И как после этого разговаривать с Коминтерном, с коммунистическими партиями разных стран, да и с собственным народом?

Похоже, эти осложнения Сталин предвидел, но был уверен, что выход ему удастся найти. А.О. Чубарьян подробно и убедительно показывает, как вождь пытается разрешить ситуацию, но аргументов, которыми можно успокоить «своих», не испортил отношений с «чужими», никак не находит, и ему приходилось хитрить, выкручиваться, лишь усугубляя тем самым обстановку тревожности и недоверия. Историк с пониманием относится к манёврам советского лидера, но вывод делает жёсткий: самая надёжная «прагматика» для политика (к слову: хоть тогдашнего, хоть нынешнего) – это последовательная морально-нравственная основа: говори то, во что веришь, и делай то, о чём говоришь. А вертись и юлишь – тебе же потом выйдет боком.

Из этого политико-психологического тумана выплывает – не в статье А.О. Чубарьяна, а в сознании думающего читателя, – вопрос, казавшийся ранее как будто ясным: а почему, собственно, гитлеровской Германии понадобилось тогда нападать на СССР? Традиционная, ещё со сталинских времен, версия настаивала на идеологической несовместимости двух режимов: «душители всех пламенных идей» не могли мириться с существованием страны, воплотившей в себе мечты «всеобщего прогрессивного человечества». «Альтер-

нативные» историки постсоветского времени, «опрокидывая в прошлое» политику либеральных реформ, приравнивают «сталинский режим» к нацистскому, и такая предпосылка автоматически исключает прежнюю версию.

Что же предлагается взамен? Либеральная же версия и предлагается: будто бы диктатор Сталин стремился навязать миру коммунистический режим, а диктатор Гитлер (слава богу, хоть не отрицают, что он «тоже» злодей) его упредил... А что Сталин форсировал индустриализацию не ради мировой революции, а из опасения, как бы нас не «смяли»³, – это почему-то не берётся в расчёт. Но и в 1941 г. Сталину было уж точно не до мировой гегемонии: он ведь прекрасно понимал, что страна не достигла военного паритета с враждебным западным миром. Он заклинал судьбу, чтоб война началась не раньше 1942 г., надеялся, что к тому времени удастся решить самые неотложные оборонные задачи, и тогда уже точно не сомнут. Обсуждать тут нечего, просто надо сравнить с тем, как сегодня Европу и Америку пугают Путиным.

Но, между прочим, и с Гитлером не всё понятно: параноик, возомнивший себя великим, – это не очень убедительное объяснение его «фюрерства» в стране Гёте, Бетховена, Гегеля, да хоть бы и Вилли Мессершмитта. Однако во втором томе 15-томника есть содержательная статья доктора исторических наук В.И. Дашичева «Политика и стратегия Германии накануне Второй мировой войны (1938 – 1939 гг.)», которая тоже замечательна не постулатами, а собранием фактов. Эти факты в совокупности позволяют увидеть ситуацию в Германии в несколько непривычном для нас ракурсе. Оказывается, Гитлер ничего принципиально нового не предлагал, а только напоминал; обращение к исторической памяти, как правило, действенной новых лозунгов, в том секрет популизма.

Фюрер завоёвывал расположение немецкого обывателя, униженного Версальским договором, апеллируя к миражам на-

ционального менталитета, отражавшим настроения до Первой мировой войны, когда Германия впервые возомнила, что «право имеет». Расширение «жизненного пространства» и ресурсной базы за счёт Российской империи – это, оказывается, ещё из тех времен, когда никаких «пламенных идей» на российской почве не проросло. Уловка фюрера была проста: униженный народ «поведётся» на обещание сделать его снова великим. Чтобы образ величия был узнаваемым, кандидату в вожди понадобилось реанимировать имперские амбиции кайзеровских времен.

А что касается «пламенных идей» – они же несколько не мешали Гитлеру налаживать сотрудничество с СССР в 1930-е гг. Правда, нельзя сказать, что он на них вообще не обращал внимания: напоминание об опасности «коммунизма» помогало ему интриговать в отношениях с ведущими европейскими державами, чтоб не допустить их сговора с СССР. По-настоящему же «душителем» этих идей фюрер заявил себя лишь после поражения под Москвой, когда стало очевидно, что «план Барбаросса» провалился и нужно заново объяснять, если не доверившейся ему «массе», так хотя бы генералитету, зачем он двинул своё воинство в эти бескрайние, холодные и враждебные просторы. Вот тогда-то Гитлер и заявил себя смертельным врагом большевизма. И он по-своему был прав, ибо вовсе не просторы, осеннее бездорожье и ранние морозы провалили так хорошо спланированный блицкриг, а именно организация «большевиками» отпора агрессору (о чём, однако, в статье В.И. Дашичева напрямую не говорится, да и вообще эта тема в нынешней нашей историографии «не в моде»).

Между прочим, идея блицкрига, как показывает В.И. Дашичев, тоже была заимствована гитлеровской верхушкой из кайзеровского прошлого. Мотивировалось применение этой стратегии не столько самоуверенностью германского генералитета (и при кайзере, и при Гитлере), сколько трезвым расчётом. В Первую мировую Германия вступала с армией,

³ Сталин И. В. Сочинения. Т. 13. С. 39.

которая превосходила по своей боеспособности вооружённые силы любого из тогдашних ее противников, но, объединив усилия, те оказались сильнее. Отсюда вывод: громить противников надо по очереди. Сначала провести интенсивную дипломатическую подготовку, чтобы вызвать у них недоверие друг к другу, а потом, сконцентрировав всю свою военную мощь в один ударный кулак, провести против избранной жертвы скоротечную операцию, чтобы союзники жертвы не успели договориться и прийти на помощь. В Первую мировую германские генералы уже пытались руководствоваться этой стратегией, но тогда политики недостаточно им помогли, а при подготовке к реваншу политики уже задавали тон...

При подготовке – нет, всё-таки не завоевания мирового господства, не к тому они стремились, а военного реванша – главный вопрос для гитлеровских стратегов состоял не в том, какую тактику избрать, а с кого начать. Нам почему-то лестно думать, что для главного злодея всех времён и народов смыслом жизни было разгромить Россию (СССР). Но, если судить хотя бы по дневниковым записям начальника штаба сухопутных войск гитлеровского вермахта генерал-полковника Франца Гальдера⁴, сделанным в последние предвоенные и первые военные месяцы, Россия в то время была едва ли не на периферии интересов фюрера. Если поначалу он опасался на неё нападать до разгрома главных противников – Франции и Англии, – то после нашей бесславной финской кампании считать её серьёзным противником перестал и потому совершил опрометчивый шаг: решился воевать на два фронта.

Почему всё-таки ему это понадобилось? Оказывается, нападение на СССР по плану «Барбаросса» мыслилось фюрером лишь как промежуточный эпизод в принципиально важной для него войне с Англией! Ему просто нужно было за наш счёт пополнить порастраченные к тому

времени ресурсы, а в скорой победе над Россией он не сомневался. Что он просчитался – это очевидно, но в чём именно? Недооценил стойкость русского солдата, терпеливость русского народа и коварство российского климата? Да, это тоже сыграло свою роль. Но была ещё одна причина важнее прочих: он был убежден, что страна, измотанная «строительством социализма» и травмированная 1937 г., – это «колосс на глиняных ногах», который рассыплется после первого серьёзного удара. И вот любопытное совпадение, на которое наши историки почему-то не обращают внимания.

На 12-й день войны Ф. Гальдер записал в своем дневнике, что «кампания против России выиграна в течение 14 дней»⁵ (предстояло ещё форсировать Днепр, но тут сложностей не предвиделось). Но это же был тот самый день 3 июля 1941 года, когда с радиообращением к «братьям и сестрам» выступил Сталин, и, судя по этому выступлению, вождь даже не догадывался, что «уже проиграл» войну. Эту «некомпетентность» «альтернативные» историки даже ставили ему в упрек. Но это их самих надо упрекать в некомпетентности, а глава Государственного комитета обороны знал ситуацию лучше, чем Гальдер. Знал, в частности, что уже полным ходом идёт операция, «равная величайшим битвам» (как её оценил десятилетия спустя в своих мемуарах маршал Г. К. Жуков⁶), – эвакуация промышленных предприятий из слишком уязвимого «военно-промышленного пояса» в восточные районы страны. Она началась буквально с первого дня войны. Внешне это выглядело, как бегство из «угрожаемых районов» (да в значительной мере таковым и было), но под прикрытием бегства из-под носа у Гитлера были уведены ресурсы, ради которых он и развязал войну с СССР, не дождавшись победы над Англией. Причём эти не доставшиеся ему ресурсы в советском тылу были сжаты в стальной кулак, которым агрессор и был разгромлен.

⁴ http://militera.lib.ru/db/halder/1940_12.html

⁵ http://militera.lib.ru/db/halder/1941_07.html

⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. Т. 2. – М.: АПН, 1985. С. 47.

К такому видению самого драматического для нас периода войны приближает читателя 15-томник «Великая Победа», и не следует считать недостатком, что не все причинно-следственные связи проявлены здесь до конца. Значит, исторической наукой ещё не всё осмыслено. Но недопроявленное, недоосмысленное – это побуждение к самостоятельному поиску, и если читатель, обратившись ещё и к другим источникам, найдёт свои варианты ответов, которые согласуются с фактами, которыми переполнен 15-томник «Великая Победа», значит, историческая память преодолевает ещё какие-то разграничительные барьеры.

Историческая память как социальный ресурс. Г.Е. Корнилов, доктор исторических наук, заведующий сектором экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, заметил, что постсоветская историография с маниакальной настойчивостью стремится перелицевать картину прошлого, поменяв местами тени и свет. Особенно усердно проводится этот принцип в отношении Великой Отечественной войны. Так, в украинских учебниках это уже не Отечественная война, и началась она не 22 июня, когда «Киев бомбили, нам объявили...», а с «оккупации» Россией Западной Украины и Западной Белоруссии. Подобным же образом переосмыслена война в государствах Прибалтики. Даже в среднеазиатских республиках сегодня в разговоре с вами не преминут подчеркнуть: это было не наше отечество. А в Санкт-Петербургском университете не так давно была предпринята попытка защитить диссертацию о «российском патриоте» А.А. Власове.

В такой ситуации исторической памяти не пристало окапываться в обороне, нужно решительнее переходить в наступление. И нет более надёжного способа укреплять фундамент будущего, кроме как обогащать историческую память общества достоверным знанием того, что было на самом деле пережито нашим народом, когда он был ещё единым. Фактов, работающих на нас, достаточно, а на почве фактов прочно встанут и обобщения.

– Предыдущим выступающим, – отметил Геннадий Егорович, – упомянута эвакуация как стратегическая операция, которая в большой мере предопределила нашу Победу. Но это был не просто оборонный манёвр, это была народная эпопея, к которой прямо или косвенно было причастно почти всё население страны. Её успех во многом определился тем, как она переживалась непосредственными участниками, а нынче об этом уже немногие помнят. И надо о том напоминать. Я же занимался этой темой как историк и столкнулся с неординарными фактами, – рассказывает Г. Е. Корнилов. Вы знаете, к примеру, что Урал принял четверть всего эвакуированного из западных областей гражданского населения? В 1942 г. каждый десятый житель Свердловска был эвакуированным. Можете себе представить, какое бремя пришлось взвалить на себя местным органам власти: ведь всех надо было расселить, накормить, одеть. А случаи были разные. Например, приехали девушки из Киевского ветеринарного института в летних платьях: они ж не думали, что война затянется, и не знали, что настоящие зимние морозы на Урале начинаются уже в ноябре...

Я встречался с теми, кто был здесь в эвакуации. Они многое поведали о тяжелейших, просто кошмарных условиях, в которых здесь оказались, но никто не жаловался: местным жителям было не лучше. Как бы тяжело ни было – их спасли, и чувство благодарности за спасение осталось в них на всю жизнь. Ибо, если б не эвакуация – еще неизвестно, как повернулась бы их судьба... Впрочем, кое-что известно. Во время войны на Урале жило полтора миллиона евреев, 800 тысяч из них – эвакуированные. Они-то как раз жаловались – но не на то, как их приняли, а что вывезли в эвакуацию не всех, многие остались... Но в то время никто даже представить себе не мог, какая судьба ждёт евреев на оккупированных территориях, а вывозили, главным образом, предприятия: станки и прочее оборудование, материалы и минимум персонала, который мог перемещённое оборудование привести в действие на новом месте.

Даже по этим примерам можно судить, насколько по-разному можно воспринимать и трактовать события, связанные с эвакуацией: в одном ракурсе – единение народа в беде, в другом – беспощадное отношение к человеку ради достижения военно-стратегического выигрыша. А ведь это наше общее прошлое – один из главных наших ресурсов, помогающих сохранить внутреннюю цельность нашего общества и его способность ответить на новые глобальные вызовы. Чтобы этот ресурс сработал, как должно, необходимо sobлюдности, – считает Г. Е. Корнилов, – как минимум, три условия:

– во-первых, его нужно постоянно развивать, наращивать, поднимая всё новые пласты народной жизни, двигаясь при этом от глобальных обобщений, которые мало трогают нынешнего человека в его повседневной жизни, к тому, что ему близко и понятно, что остаётся значимым и в современной жизни. Нынче особенно важно изучать вклад регионов России, в том числе Урала, уральского тыла, в общую борьбу с врагом. Ведь те события совершались не «где-то», а здесь, и героями их были недалекие предки нынешних земляков. Многие до сих пор подспудно живут в семейных преданиях, запечатлено в домашних архивах. К тому же нынче рассекречены многие бывшие секреты, стало возможным писать и говорить о том, о чём ещё недавно «посторонним» было «не положено» знать;

– во-вторых, новый массив исторического знания необходимо «конвертировать» в историческую память – чтоб оно не пылилось в солидных фолиантах на стеллажах библиотек, а формировало души новых поколений россиян. Нынче издаётся много многотомников, и это хорошо, но читает ли их молодёжь? Сделать историческое знание, а в особенности знание, которое прямо влияет на нашу национальную самоидентификацию, на наше социальное самочувствие, – задача для учёного не менее сложная и не менее важная, чем добыча новых знаний.

И ещё, по мнению Г.Е. Корнилова, важно иметь в виду, что в «горячих точках» истории идёт острая борьба и от её исхода

зависит будущее нашей страны. Авторы 15-томника несколько раз возвращаются к мысли о фальсификации истории. Конечно, это выражение не самое удачное: в нём имманентно присутствует баррикадный дух. Мол, вот мы такие правильные, а оппоненты сознательно искажают факты. Кто ж на таких условиях станет с нами разговаривать? На самом деле ничего они не искажают, просто у них другая система понятий. Зарубежных коллег, например, совсем не интересует экономический аспект нашей войны, в лучшем случае, заметят, что экономика у нас была «сталинская», «мобилизационная». Для них этого недостаточно, чтобы сделать вывод о недостойных методах руководства страной, бросить тень на Великую Победу. Но экономика действительно была и «сталинская», и «мобилизационная», а иначе мы бы не победили. Следовательно, дело не в искажении фактов, а в ином их понимании. И как с этим бороться? А «бороться» и не надо, вместо того надо укреплять собственные позиции, выходить на мировоззренческий уровень обсуждения истории нашей Победы.

Еще раз о цене Победы. Л.М. Павлов, инженер, историк, публицист, возвратил участников дискуссии к уже не раз возникавшей в ходе обсуждения теме эвакуации. Он согласился с тем, что переброска значительного числа оборонных предприятий на восток, во-первых, не позволила немцам использовать их в своих целях, и, во-вторых, дала возможность создать новую мощную военно-промышленную базу, которая и стала основой экономической победы в войне. Однако это, считает Леонид Маратович, лишь одна сторона дела. Другая сторона – экономические и человеческие потери, которыми была оплачена эта операция. Цена, дающая повод ещё раз вспомнить о цене Победы.

Известно, что в 1941 и частично в 1942 гг. на восток было эвакуировано около 2700 предприятий и, по разным оценкам, от 17 до 25 млн человек. Однако на оккупированной территории осталось более 30 тыс. предприятий, в том числе более тысячи шахт и рудников, 63 крупные электростанции, 63 процента всей железнорож-

ной сети страны и около 88 миллионов населения. Что-то из оставшегося вывезти было физически невозможно – шахты, доменные печи, плотины, те же железные дороги, но многое другое вывезти было очень нужно, да не смогли. Почему? Л.М. Павлов считает, что тут сыграли роль три основных причины:

– во-первых, не было заранее разработанного плана эвакуации. Предложения разработать такие планы в предвоенные годы жёстко отвергались Сталиным: воевать мы должны на чужой территории;

– во-вторых, организация транспорта в СССР. Тут не всё, конечно, зависело от воли и способностей людей. Сказался, в частности, фактор географический: везти людей и оборудование надо было с запада на восток, а реки у нас текут, в основном, с севера на юг или с юга на север, так что водный транспорт практически отпадал. Очень мало мог помочь и автотранспорт. Он и вообще-то был очень небогат: в предвоенное время в народном хозяйстве насчитывалось около 500 тысяч грузовых автомобилей (в основном легендарные, но маломощные «полторки»), однако по разработанному ещё до войны мобилизационному плану 260 тысяч из них подлежали в случае войны немедленной передаче на нужды обороны. Брали-то для нужд фронта, конечно, только исправные, между тем «полторки» часто ломались. О дорогах и говорить не приходится.

Так что практически вся тяжесть операции легла на железную дорогу. И Совет по эвакуации поначалу возглавил «железный нарком» Л.М. Каганович. Но очень быстро его заменили: не справился. И мудро было справиться, если три четверти наших стальных магистралей были однопутными, к тому же изрядно изношенными; подавляющее большинство станций и перегонов имели маленькую ёмкость и короткие станционные пути, что не позволяло поездам, идущим на восток, остановиться, чтоб пропустить встречный эшелон. А встречные эшелоны в то время почти все двигались к фронту. Что это значило на деле – судите хотя бы по таким цифрам. Для перевозки одной дивизии требовалось 33 эшелона – 1650

вагонов, и эти эшелоны нужно было пропускать один за другим без перерыва, чтобы дивизия могла компактно выгрузиться и через короткое время вступить в бой. К тому же основные магистрали, ведущие с запада на восток, немцы непрерывно бомбили. Под бомбёжку попадали не только эшелоны с грузами (и людьми, конечно), но и оборудование станций, и железнодорожные пути. После каждого налета движение эшелонов прерывалось, в среднем часов на шесть.

Остро ощущалась нехватка топлива для паровозов: Донбасс был уже потерян, а доставке угля из Кузбасса и Караганды мешали постоянные заторы на дорогах. Правда, пары можно было разводить и на дровах, и на торфе, и на так называемой «топливной смеси», состоявшей из всего, что горит, и это несколько снижало напряжённость. Вот почему на расстояние, которое сегодня в относительном комфорте на плацкартной полке преодолевается за часы, ну, может быть, за сутки-двое, тогда уходили недели, а то и месяцы;

– в-третьих, ещё одной названной Л.М. Павловым причиной, был традиционно низкий уровень организации. Не так уж редко поезда с оборудованием эвакуированных предприятий направлялись не туда и разгружались не там, где им было предписано, нарушалась комплектность грузов, немалое количество грузов прибывало без сопроводительных документов. И ещё бы ничего, если б эта неразбериха касалась только «железок», но, видимо, с людьми дело обстояло не лучше. Сопоставим цифры. Примем за точку отсчёта минимальную из обсуждаемых цифр: в эвакуацию отправилось 17 млн. человек. Но 1 февраля 1942 г. была проведена перепись эвакуированных в тех местах, куда они были направлены: на Урале, в Сибири, в Поволжье и Закавказье. Итог – 7400 тыс. Разница более 9 млн. человек! Куда ж они подевались? Л.М. Павлов не утверждает, что все они погибли в пути, хотя на самом деле погибли многие – под бомбёжками, от простуды, от голода. Может, как «бездокументные» грузы, попали «не туда», может, сказались ещё какие-то причины. Но нельзя оставлять этот вопрос без убе-

дительного ответа, речь ведь идёт о миллионах жизней!

– И все же эвакуация, – делает вывод Л.М. Павлов, – один из важнейших факторов нашей Победы. Да, войну выиграли на фронте, но победа на фронте была бы невозможна, если б у нас не было тыла, для которого эвакуация послужила очень мощным «допингом». Эта тема сегодня не на слуху; к сожалению, она очень скупо и традиционно отражена и в 15-томнике.

Еще раз о людских потерях. Болезненную тему человеческих потерь во время Великой Отечественной войны повернул нетрадиционной стороной **С.С. Беляков** – кандидат исторических наук, писатель, лауреат Национальной литературной премии «Большая книга» и ряда других литературных премий, заместитель главного редактора журнала «Урал».

– Я напомним о факте общеизвестном и не вызывающем сомнений, – так начал своё выступление писатель. В годы Великой Отечественной войны на территории Советского Союза (равно как и в других странах, частично или полностью оккупированных гитлеровцами) было создано немало коллаборационистских формирований. Их участники с оружием в руках сражались против Красной армии и её союзников по антигитлеровской коалиции, причем не только на Восточном фронте, но и, скажем, на Балканах, где с осени 1943-го воевала 1-я Казачья кавалерийская дивизия, развёрнутая в феврале 1945-го в 15-й Казачий кавалерийский корпус. На стороне Германии и её союзников также воевали дивизии, бригады, полки, батальоны, набранные из русских, украинцев, белорусов, латышей, эстонцев, крымских татар, калмыков и представителей многих других народов СССР.

Эти части чаще использовались в борьбе против партизан, но они воевали и на фронте. Разумеется, коллаборационисты несли немалые потери. Зададимся простым вопросом: а в потерях какой из

воюющих сторон учтены погибшие власовцы, бандеровцы, каминцы, эстонские и латвийские эсэсовцы? Разумеется, все они относятся к потерям Советского Союза, то есть включаются в те самые 26 600 000 человек, что считаются официальными цифрами потерь СССР. Более того, очень многих из погибших коллаборационистов нужно включить и в те 8 668 400 человек, что составляют потери Вооружённых сил Советского Союза.

Так, известно, что немцы с июля 1941 по ноябрь-декабрь 1941 гг. свободно отпускали из плена представителей некоторых национальностей (российских немцев, эстонцев, латышей, литовцев, украинцев, белорусов). Всего было отпущено 318 770 человек⁷. В ноябре 1941-го г. этот процесс был приостановлен, однако немцы продолжали выпускать из лагерей пленных, выразивших готовность сражаться на стороне Германии: «В 1942 – 1944 гг. из плена освобождались в основном лица, которые вступали в добровольческие охранные и другие формирования, в полицию»⁸. К 1 мая 1944 г. немцы освободили из лагерей 823 230 советских военнопленных⁹. Если вычесть из этого числа освобождённых в 1941 г., то получится, что в 1942 – 1944-м гг. из плена были освобождены 504 460 человек. Многие из них, если верить составителям сборника «Гриф секретности снят», сменили робу заключённого на военный мундир.

А ведь большим источником для пополнения коллаборационистских формирований были и дезертиры, не прошедшие через нацистские концлагеря. Один из героев романа Георгия Владимова «Генерал и его армия» произносит фразу: «Мы ведь больше со своими воюем». Это преувеличение, притом значительное, но против советской власти советские граждане действительно сражались, и было их немало. Одни погибли, другие эмигрировали на Запад. Все они учтены как безвозвратные потери Советского Союза, более

⁷ Гриф секретности снят. Потери Вооружённых сил СССР / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. — М.: Воениздат, 1993. С. 333.

⁸ Там же. С. 334.

⁹ Там же.

того – отнесены к потерям Вооружённых сил СССР. Если они попали в плен, дезертировали или просто не успели явиться на сборные пункты, а потому с оружием в руках воевали за Великую Германию, они всё равно считаются потерями Красной армии!

Велики ли эти потери, сказать очень трудно. Составители статистического сборника «Гриф секретности снят» определяют потери добровольческих формирований вермахта и СС, «укомплектованных бывшими советскими гражданами», в 215 000 человек¹⁰. Однако вряд ли эти данные можно считать достоверными. Вероятнее всего, потери коллаборационистов значительно преуменьшены, ведь только батальоны и роты, сформированные из добровольцев – уроженцев Средней Азии и Казахстана, насчитывали 180 000 человек; подразделения, укомплектованные горцами Северного Кавказа – 28 000 – 30 000 человек, азербайджанцами – 25 000 – 35 000 человек¹¹, крымскими татарами – 20 000¹². Численность Украинской повстанческой армии по немецким данным достигала 80 000 человек при мобилизационном ресурсе около 2 000 000¹³.

По немецким данным, на которые опирается историк Сергей Чуев, на 2 февраля 1943 г., «число бывших советских граждан, состоящих на немецкой военной службе, составило 750 000»¹⁴. Но и здесь наша история не заканчивается. В 1941–1945 гг., помимо Великой Отечественной, шли войны и поменьше. В большом Советском Союзе проживали многие народы, которые далеко не всегда дружили между собой. Кроме того, предвоенная политика советской власти, прежде всего, послед-

ствия насильственной коллективизации, отрицательно сказалась на лояльности советских граждан в таких своеобразных регионах, как республики Северного Кавказа и, в меньшей степени, Закавказья. Войска НКВД вынуждены были вести интенсивную борьбу с «повстанцами» или «бандитами». Масштаб этой борьбы несопоставим с хоть сколько-нибудь значительными операциями на советско-германском фронте, но и её нельзя сбрасывать со счетов. Так, с января 1943-го по 10 октября 1943 г. в Краснодарском и Ставропольском краях, республиках Северного Кавказа, Грузинской ССР и Армянской ССР в ходе спецопераций были убиты, ранены и взяты в плен 6685 противников советской власти¹⁵.

Намного более кровавой была польско-украинская межэтническая война 1943–1944 гг., вошедшая в историю под названием Волынской резни. По данным современной украинской историографии, то есть по самым скромным и максимально заниженным данным, в ней погибли от 50 000 до 100 000 поляков и от 15 000 до 30 000 украинцев¹⁶. И так как воевали и погибали во всех подобных случаях взрослые мужчины призывного возраста, нередко дезертировавшие из Красной Армии и отнесённые, таким образом, к категории «пропавшие без вести» и «не вернувшиеся из плена». Но значение Волынской резни для корректировки потерь Советского Союза этим не исчерпывается. Целью резни, являвшейся, в сущности, этнической чисткой, было вытеснение польского населения с земель, которые украинские националисты считали своими. Поэтому убийства вызвали и массо-

¹⁰ Там же. С. 392.

¹¹ Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. – М.: АСТ, 2004. С. 231.

¹² Чуев С. Проклятые солдаты. – М.: Эксмо, Яуза, 2004. С. 486

¹³ См. подробнее: Літопис УПА. Т. 7. УПА в світлі німецьких документів. Книга друга. Червень 1944 – квітень 1944. / Зібрав і впорядкував Тарас Гунчак. — Торонто: Видавництво «Літопис УПА», 1983. Украинский историк А. Гогун считает эти цифры преувеличенными. По его подсчетам, численность УПА не поднималась выше 25 – 30 тыс. (Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. – Издательский дом «Нева», 2004. С. 178.)

¹⁴ Чуев С. Цит. соч. С. 63.

¹⁵ Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. – М.: Центрополиграф, 2012. С. 144.

¹⁶ Гогун А. Цит. соч. С. 164.

вый исход польского населения на запад, в собственно польские земли. Цель была в значительной степени достигнута. Сохранились лишь наиболее крупные польские села, находившиеся под защитой Армии Крайовой или советских партизан. Следует отметить, что события, аналогичные Волынской резне, но в значительно меньшем масштабе, происходили и в районе Вильнюса, где силы польской Армии Крайовой столкнулись с отрядами Литовской освободительной армии¹⁷.

Таким образом, мы видим, что далеко не всех советских граждан, погибших в годы Великой Отечественной войны, можно считать погибшими в борьбе с нацизмом. Одни сражались на стороне нацистов, служили в рядах фронтовых и вспомогательных частей, в полиции и «самообороне», другие погибли в межэтнической войне, прямо не связанной с борьбой против нацистской Германии и её союзников. Потери СССР (в том числе потери Вооружённых сил) следует уменьшить на несколько сотен тысяч человек, а на сколько именно – должны показать будущие исследования.

«Штрафбат» в наступлении. Выступление С.С. Белякова новой гранью повернуло тему, которая основательно раскрыта в четвертом томе обсуждаемого издания «Другое лицо войны». А вот **Н.А. Молчанов**, кандидат педагогических наук, полковник внутренней службы в отставке, в своём выступлении предложил интересную антитезу выступлению С.С. Белякова: он говорил о вкладе в Великую Победу ГУЛАГа. Парадоксальность ситуации в том, что большое число формально советских людей во время войны так или иначе воевало против своей родины; но ведь никак не меньшее количество её «пасынков», которым, вероятно, было за что её не любить, самоотверженно трудились для её победы.

Ситуация заставляет вспомнить про известный сериал «Штрафбат», расколовший отечественное общественное мнение. Но кто и как воевал в штрафбатах на фронте, мы обсуждать не станем, а вот с

тем, что «архипелаг ГУЛАГ» был своеобразным всесоюзным «штрафбатом», читатель, видимо, согласится. И тот факт, что подконвойный «контингент» сделал свой вклад в Победу, для многих, вероятно, большой новостью не станет. Известно же, например, про «шарашки», где создавалось и совершенствовалось оружие, про целые армии заключённых, вручную копавших котлованы под эвакуированные цеха. Но эти скудные сведения не обобщены, а в многотомном и многотемном издании «Великая Победа» эта тема вообще не отражена!

Н.А. Молчанов очертил масштаб явления следующим образом:

– Перед войной система ГУЛАГ включала в себя 53 исправительно-трудовых лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний, в том числе: 170 – промышленных, 23 – сельскохозяйственных. К началу войны число заключённых в лагерях и колониях ГУЛАГа составило 2,3 млн. человек, из них 28,7% были осуждены за «контрреволюционные» преступления. 7,6% от общего количества осуждённых были женщины. Обратите внимание: колонии называются «промышленными», «сельскохозяйственными», а Николай Алексеевич будет ещё говорить про лесопромышленные... Официально колонии – места содержания преступников, а фактически – большие отряды дешёвой и безотказной рабочей силы, даже с определенной специализацией. И количество «голов» в этих отрядах не так уж сильно уступало численности вооружённых сил, сосредоточенных на границе к моменту начала германского вторжения. Естественно, что директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям от 29 июня 1941 г., которой предусматривалась мобилизация всех сил и средств страны на разгром врага, не обошла вниманием и трудовой потенциал ИТЛ.

Однако тема, на которую обратил внимание Н.А. Молчанов, – по сути, terra incognita для сегодняшней историографии, и Николай Алексеевич лишь несколькими штрихами очертил контуры

¹⁷ Там же. С. 155.

проблемы. В период Великой Отечественной войны резко возросла потребность оборонной промышленности в древесине. Чтобы удовлетворить её, на территории Свердловской области были созданы три специализированных лагерных системы лесопромышленного комплекса: Севураллаг, Ивдельлаг и Тавдинлаг. Лагерям был спущен государственный заказ на такую продукцию (в терминах того времени):

- авиасосна для нужд авиационной промышленности;

- палубник, понтонник для нужд кораблестроения и сооружений понтонных переправ;

- авиафанербереза для производства фанерных авиационных конструкций и деталей;

- лыжбереза, лыжная заготовка (болванка) для изготовления лыж;

- ружейная заготовка (ружболванка);

- ствольная накладка для производства деревянных прикладов винтовок и автоматов;

- шпалы МПС для нужд железных дорог страны.

Но так называлась конечная продукция, а изготавливать ее обитатели колоний должны были из ими же самими заготовленных лесоматериалов. Лесоповал и сейчас не для слабаков. А вы представьте себе заключённых того же Севураллага в первые военные зимы: мороз под сорок, снега по пояс, одежонка «на рыбьем меху», питание – тогда ведь и на воле голодали. А орудия труда – топор да пила, единственная «механизация» – лошадка для транспортировки разделанной древесины с дальних участков. При этом Севураллаг заготавливал до 2,7 миллиона кубометров деловой древесины в год, но и смертность заключённых в этом лагере составила в 1941 г. 2362 человека, или 0,6% к общей численности контингента, а в 1942-м – 5480 человек, или 2,04% от числа лесорубов поневоле.

А в целом по ГУЛАГу только в 1941 г. умерли 100 997 человек. Тут уже не из соображений гуманизма, а исключительно в целях поддержания работоспособности

заключённых НКВД СССР издает приказ №792/к 1941 г., где предлагается принять меры по коренному улучшению жилищно-бытовых условий спецконтингента и упорядочению питания за счёт выдачи дополнительных пайков выполняющим нормы дневной выработки на производстве. Только где этим измождённым людям было взять сил, чтобы заработать премиальную пайку?

Читатель сам может судить о природе «патриотического порыва», побудившего многих невольников лесного (и не только лесного) «штрафбата» проситься на фронт (большинство из них было призывного возраста). И во многих случаях начальство шло навстречу. Уже в первые месяцы войны из лагерей в действующую армию было призвано 480 тыс. человек. Кроме того, 200 тыс. заключённых было освобождено, чтобы направить их на оборонные работы. В 1942 и 1943 гг. из ГУЛАГа были досрочно освобождены и призваны в ряды Красной армии ещё 157 тыс. человек. Есть сведения, что только за первые три года Великой Отечественной войны из ГУЛАГа на укомплектование Красной Армии были переданы 975.000 человек¹⁸, но они не заслуживают большого доверия. Бывшие заключённые, попадая на фронт, проявляли доблесть и мужество, награждались орденами и медалями, были среди них даже Герои Советского Союза.

С подвигами бывших заключённых на фронте более или менее понятно: возвращённое человеческое достоинство, солдатская каша вместо лагерной баланды – и чувство родины, которая бывала к ним несправедливой, но никогда не была чужой. Но вот что удивительно: те, кто остались «на зоне», тоже посильно участвовали в акциях по укреплению обороноспособности страны: сдавали личные ценные вещи, деньги и облигации госзаймов в фонд обороны страны, приобретали за наличный расчёт облигации государственных военных займов. В фонд обороны страны от заключённых поступило: в 1941 г. – свыше 250 тысяч руб., в 1942 г. – свыше 2-х млн рублей, в 1943-1944 гг. – 25 млн руб. От-

¹⁸ Там же. С. 155.

куда у заключённых брались такие деньги и какими средствами подогревался лагерный патриотизм – вопрос отдельный, а всё же нет оснований сомневаться в том, что и всесоюзный «штрафбат» искренне желал победы своей стране и делал для того, что было в его силах.

Завершил обсуждение **Е.Г. Анимица**, доктор географических наук, профессор, главный советник ректората УрГЭУ:

– Я получаю газету «Афинский вестник», которая издается в столице Греции на русском языке. Недавно там в колонке редактора прочитал, что 90% молодёжи Европы считает, что Гитлера победили англосаксы. Почему они так считают? Потому что судят о войне не по «интерпретациям», а по «первоисточникам», каковыми для большинства европейцев являются шеститомный труд Черчилля «Вторая мировая война» и мемуары фельдмаршала Манштейна.

В отличие от молодых европейцев, редактор «Вестника» знает, что фашизм по-

беждён Советским Союзом при участии англосаксов. Но победил он, по мнению благожелательного к нам европейского журналиста, лишь благодаря неразумным действиям сумасшедшего Гитлера и русским морозам.

А недавно уже российские журналисты, упражнялись на радио «Эхо Москвы» (далеко не в первый раз) в доказательствах того, что якобы армия Сталина одержала победу для Сталина, а народ от этого только проиграл. Как же после того называть войну Отечественной? А, собственно, почему для нас это так важно – кто и почему победил 70 с лишним лет назад? Так ли решим или иначе – мир от того не станет другим. Нет, станет, потому что другими станем мы. У «совков» с искалеченной душой нет будущего, наследники победителей вправе самостоятельно и ответственно выстраивать свою судьбу. А это нам сегодня жизненно необходимо.